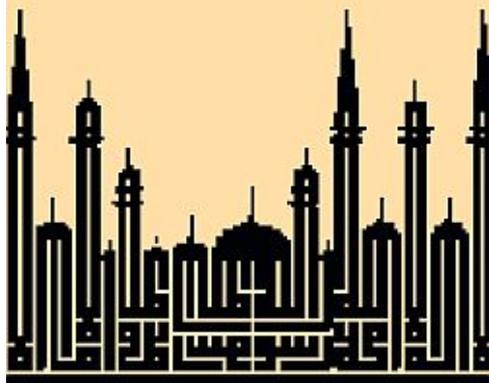

**По следам
Азербайджанской
Демократической
Республики**

Михаил Валханский
Вадим Мухомов

**Вадим Муханов
Михаил Волхонский**
**По следам Азербайджанской
Демократической Республики**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171343

По следам Азербайджанской Демократической Республики: Европа; Москва; 2007

ISBN 978-5-9739-0114-1

Аннотация

Наше знание текущих процессов в Закавказье неглубоко, а не столь уж давнее прошлое новых независимых государств вообще неизвестно. Однако необходимо понимать, на каком историческом фундаменте грузинские, армянские и азербайджанские историки выстраивают сейчас образ прошлого, с энтузиазмом выполняя политический заказ. Вместо объективного исследования в бывших советских республиках доминирует процесс создания новых исторических мифов. Ведущим предметом мифотворчества является процесс образования независимых государств после распада Российской империи. В книге представлен очерк истории первых попыток сформировать азербайджанскую государственность и связать тюркское самосознание с азербайджанской идентичностью. Опираясь на твердо установленные факты, авторы доказывают, что все эти попытки оказались тщетными в том силовом поле, что было сформировано интересами Турции, Англии, Советской России и идеализмом президента США Вильсона.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава первая	7
В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	7
ЗИМА И ВЕСНА 1917 ГОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	12
МУСУЛЬМАН ЗАКАВКАЗЬЯ	
В РЯДАХ ВСЕРОССИЙСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО	16
ДВИЖЕНИЯ ЛЕТОМ 1917 ГОДА	
РЯДОМ С НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИЕЙ	22
ПРИМЕЧАНИЯ	26
Глава вторая	27
ЭХО ОКТЯБРЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Михаил Волхонский Вадим Муханов

По следам Азербайджанской Демократической Республики

ВВЕДЕНИЕ

После распада Советского Союза образовалось множество новых независимых государств, каждое из которых имеет свою давнюю историю взаимоотношений с бывшей метрополией, насыщенную весьма драматическими коллизиями. Не является здесь исключением и современный Азербайджан, ведущий отчет своей государственности с момента образования Азербайджанской Демократической Республики в 1918 году.

Территория этой страны находилась на землях бывших мусульманских ханств, присоединенных к России в первой трети XIX века в ходе двух русско-турецких и русско-персидских войн (1806–1812, 1828–1829; 1804–1813, 1826–1828). По условиям Туркманчайского (1828) и Адрианопольского (1829) мирных договоров территория Закавказья признавалась за Россией. В течение 1804–1806 годов под контроль России попали Гянджинское, Шекинское, Карабахское, Кюринское, Кубинское, Ширванское и Бакинское ханства. По Гюлистанскому миру 1813 года, завоеванному для России штыками солдат генерала Петра Котляревского, к империи отошло и Талышское ханство с центром в Ленкорани. В рамках первоначального территориального разделения бывшие феодальные образования были преобразованы в провинции и округа. Появились Бакинская, Кубинская, Шекинская, Ширванская, Карабахская и Талышская провинции, Елизаветопольский (бывшее Гянджинское ханство) и Джаро-Белоканский округа, а также две дистанции – Казахская и Шамшадильская. Четко и ясно определил результат вхождения этих территорий в состав Российской империи известный общественный деятель XIX столетия Мирза Фатали Ахундов: «...Благодаря покровительству русского государства мы избавились от имевших место в прошлом бесконечных нашествий и грабежей захватнических полчищ и обрели наконец покой».

В тот период названия «Азербайджан», объединявшего бывшие мусульманские ханства в составе Российской империи, не существовало. На карте существовал только Южный Азербайджан – одна из провинций Ирана. Понятно, что говорить о каком-то компактном проживании мусульманского населения в рамках одного или двух государственных образований в тот период не стоит. Впервые такое образование появилось в границах одной территориальной единицы в результате российской административной реформы на Кавказе, прошедшей в 1840-е годы – в ходе первичного территориально-административного разделения Закавказского края на карте возникла Шемахинская губерния, впоследствии переименованная в Бакинскую. Именно она стала колыбелью азербайджанского национального движения и базовой территорией Азербайджанской Демократической Республики в начале XX века.

Бакинская губерния образовалась в 1859 году после перевода губернского центра из сейсмически неустойчивой Шемахи в Баку. Как справедливо отмечается в советском академическом издании «История Азербайджана», «превращение Баку в губернский город сыграло немалую роль в его дальнейшем росте». Действительно, это решение кавказского наместника князя А.И. Барятинского оказалось судьбоносным как для Баку, так и для всего Азербайджана в целом. Именно с этого времени можно вести отчет начала единения мусульманского населения Закавказья. Напомним, что в имперский период разделения по нацио-

нальному признаку не существовало, имелись только конфессиональные различия, в силу которых можно говорить о преобладании мусульманского или татарского, как его часто называли тогда, населения в губернии. Оно стало постепенно идентифицировать себя азербайджанской нацией, ставшей титульной в XX столетии.

Заметный в последнее время интерес к событиям революции и Гражданской войны в России и начавшаяся их переоценка объясняются повышенным спросом населения на хорошие исторические параллели. И как раз события 1990-х годов на Южном Кавказе, связанные с превращением советских республик – Азербайджана, Армении и Грузии – в суверенные государства, невольно вызывают воспоминания о событиях 1917–1921 годов. Это тем более актуально, что подобные аналогии стали излюбленной темой рассуждений современных политических лидеров государств Южного Кавказа, утверждающих, что именно в тот период были заложены основы современной государственности их стран, а также получен «бесценный» опыт построения европейской демократии. Среди прочих приводится пример Азербайджанской Демократической Республики, просуществовавшей чуть менее двух лет – а точнее, 23 месяца.

Следует подчеркнуть, что развал СССР привел к исчезновению не только геополитического, но и когда-то единого интеллектуального пространства историков, занимавшихся исследованием исторических судеб народов, населявших советскую империю. В получивших только что независимость республиках бывшего Союза историки и политологи тут же получили целенаправленный заказ со стороны правящих элит на историческое обоснование приобретенного суверенитета и государственности, а также на разоблачение «фальсификаций» советской науки.

Безусловно, поводов для пересмотра многих положений и трактовок истории народов СССР предостаточно, но стоит отметить тот факт, что вместо объективного исследования спорных вопросов в бывших советских республиках получил преобладание процесс создания новых исторических мифов. Естественно, одним из главных объектов мифотворчества стала тема образования независимых государств после распада Российской империи. Это вполне понятно, если учесть, что именно небольшой период с 1917 по 1922 год стал для большинства государств на пространстве СНГ точкой отсчета истории их государственности. Не обошли своим вниманием эту тему азербайджанские политическая и интеллектуальная элиты.

В современных работах кавказских исследователей Азербайджанская Республика 1918–1920 годов изображается как молодое, но уже сильное и вполне независимое государство. На страницах новейших исследований перед читателем разворачивается история закономерного процесса строительства азербайджанской государственности, являющегося логическим результатом объективного процесса исторического развития и ожидаемым итогом борьбы партии «Мусават» и азербайджанского народа за национальный суверенитет.

Однако даже поверхностное знакомство с политической ситуацией в Закавказье того времени заставляет поставить под сомнение некоторые выводы азербайджанских исследователей. Сложным является вопрос об уровне развития, идеологическом багаже, агитационных и мобилизационных возможностях национального движения закавказских мусульман накануне Февральской революции. Важно также понять, насколько требования, выдвинутые лидерами этого движения в ходе революции 1917 года, соответствовали их реальным возможностям. Такого же рода вопросы можно адресовать и к периоду 1918–1920 годов.

Насколько вообще можно говорить о существовании в это время независимого суверенного государства под названием «Азербайджанская Республика»? Ведь в границах распавшейся Российской империи в этот период рождались и гибли многие эфемерные государственные образования. Почти все они были плодом усилий определенных внутренних и внешних сил, преследовавших свои политические цели в кровавом хаосе русской смуты.

Общеизвестно, что в период с 1917 по 1920 год Закавказье стало ареной борьбы таких крупных международных игроков, как Германия, Турция, Англия, Франция и США. С учетом этих фактов справедливо задать вопрос: не являлась ли Азербайджанская Республика всего лишь одним из подобных образований, возникшим в результате сложных политических игр и неожиданных комбинаций различного рода социальных и экономических факторов. Насколько население Азербайджана было консолидировано идеей независимого суверенного азербайджанского государства и насколько легитимными были органы власти молодой республики? Можно ли говорить о проведении правительства республики самостоятельной внутренней и внешней политики?

Ответы на эти острые вопросы позволят не только избавиться от создаваемого на наших глазах нового исторического мифа, но и более трезво воспринимать и оценивать современную политическую историю Азербайджана. В данной работе предпринята попытка объективно осветить положение дел на территории Азербайджана в то непростое время, показать место и роль новой республики в системе международных отношений, ее внутривнутриполитические мероприятия, общественно-политическую жизнь и экономическое положение.

Глава первая В БОРЬБЕ ЗА АВТОНОМИЮ

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ. Процесс формирования национальной идентичности и национального самосознания у народов Российской империи, по общему мнению исследователей, тесно связан с начавшимися в 1860-е годы Великими реформами. Вызванные реформами процессы индустриализации, урбанизации, развитие системы образования и распространение печати постепенно начали охватывать окраины империи. Их прямым следствием стали существенные изменения в социальной структуре и образе жизни нерусского населения, что создавало необходимые предпосылки для формирования национальных движений. Постепенное изменение в течение 60-х – 80-х годов XIX столетия курса правительственной политики в отношении национальных окраин, бесспорно, оказалось дополнительным фактором, подстегнувшим развитие движений такого рода. Начавшаяся административно-правовая интеграция и языково-культурная унификация окраин подвергала испытанию традиционный образ жизни и самосознание как элиты, так и широких слоев нерусского населения.

В целом развитие национальных движений в пределах Российской империи неплохо укладывается в периодизацию эволюции подобных движений, разработанную чешским историком Мирославом Хрохом. В фазе пробуждения у небольшой группы местной интеллигенции возникает интерес к языку, истории, фольклору своего народа, в фазе агитации национальное сознание распространяется в широких слоях этого этноса, а в фазе массового движения народ охватывает идея национального единства и он мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость [1].¹ При наложении такой периодизации на процесс становления аналогичных движений в России замечается асинхронность смены фаз, что объясняется особенностями социально-политического, экономического и культурного развития.

Так, по мнению отечественного социолога Б.Н. Миронова, грузины как «старая нация» не нуждались в культурном пробуждении, поэтому в агитационную фазу они вступили сразу после периода Великих реформ. Армяне этап культурного возрождения прошли еще в XVIII веке, а в агитационную фазу вступили в конце XIX столетия. Что касается азербайджанцев, то культурную фазу они переживали в XIX веке, и только к 1905 году вошли в агитационную. При этом, как отмечает Миронов, в стадию политической мобилизации все три народа вступили одновременно в начале XX века, однако к этому времени азербайджанской интеллигенции не удалось полностью решить задачи культурного и агитационного периода. Поэтому в период обеих русских революций им пришлось действовать в ускоренном режиме: одновременно решать задачи по формированию национальной идеи, проведению агитации и политической мобилизации широких слоев населения.

ПАССИВНОСТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ И РАБОЧЕГО КЛАССА. По выражению немецкого исследователя Йорга Баберовски, «местом рождения нации является город» [2]. Для азербайджанской нации таким местом, бесспорно, является Баку, превратившийся в последней трети XIX века в крупнейший экономический центр Закавказья

¹ В квадратных скобках указаны источники (см. примечания в конце каждой главы).

с мультиэтничным населением. Именно тогда к северу от этого города возникает гигантский нефтедобывающий район с сотнями буровых скважин и вышек. Бурное экономическое развитие Бакинской и Елисаветпольской губерний привело к значительным изменениям в социальной структуре местного мусульманского (называемого чаще татарским) населения, в первую очередь к возникновению буржуазии и пролетариата.

Несмотря на изначально благоприятные условия рождения, отраслевые позиции татарской буржуазии оказались довольно слабыми, что объяснялось острой конкуренцией со стороны русского, армянского и зарубежного капитала. Наиболее напряженный характер носила конкурентная борьба между мусульманской и армянской буржуазией. Начавший формироваться значительно ранее, обладавший большим экономическим и политическим весом, армянский капитал стал доминировать во многих отраслях промышленности Закавказья. И все же отдельным мусульманским предпринимателям удалось разбогатеть и добиться значительного влияния: яркий пример – судьба крупного кавказского нефтепромышленника Г.З. Тагиева.

Вне экономической сферы влияние мусульманской буржуазии, по оценке Баберовски, оказалось также незначительным, что являлось следствием правительственной политики в сфере местного самоуправления. Введение представительной системы городского управления в 1878 году создало ситуацию жесткой межэтнической конкуренции. От преобладания в Городской думе представителей той или иной этнической группы зависел исход борьбы за раздел финансовых и прочих ресурсов. Однако правительство ограничило количество депутатов-нехристиан квотой в одну треть гласных думы. В 1892 году этот уровень был снижен до одной пятой, что привело к преобладанию армян в думах городов Баку, Елисаветполя и Шуши. Бросающееся в глаза несоответствие между численным преобладанием мусульман и ничтожностью их влияния в органах местного самоуправления усугубляло у татарской элиты чувство изолированности и враждебности к армянской общине.

Быстрое развитие промышленности в Бакинской губернии способствовало также формированию рабочего класса. Основная часть наемных рабочих рекрутировалась из представителей местного мусульманского сельского населения и отходников из Южного Азербайджана, которые в основном выполняли низкооплачиваемую и неквалифицированную работу. Пополнение рядов бакинского пролетариата шло и за счет русских и армянских отходников, претендовавших на более высокооплачиваемую работу. Этническая раздробленность рабочего класса приобретала черты социальной дифференциации и создавала основу для возникновения межэтнических столкновений. К примеру, в 1907 году на неквалифицированных рабочих местах в добывающей промышленности было занято более 70 % мусульман, тогда как доля русских и армян в этой категории составляла соответственно 10 и 16 %. Как отмечает Й. Баберовски, армянские рабочие стояли во главе пролетарской иерархии. Они чаще, чем представители других этнических групп, владели высококвалифицированными профессиями в нефтеперерабатывающей и машиностроительной индустрии и часто занимали должности инженеров или десятников [3]. Неудивительно, что в случаях, когда русским армянам и мусульманам приходилось контактировать друг с другом во время производственного процесса, возникали конфликты.

Характерно, что, несмотря на активность различных социалистических партий в среде местного пролетариата, рабочие-мусульмане отличались аполитичностью, в большинстве случаев они не только отказывались от участия в революционном движении, но даже проявляли враждебность к зачинщикам забастовок. Например, в появившейся в Баку в 1904 году прокламации, обращенной к рабочим всех национальностей от имени «Мусульманского общества», заявлялось, что «мусульмане не желают принимать участия ни в каких антиправительственных демонстрациях и в случае, если их к тому будут принуждать силою, то они открыто станут на сторону правительства» [4].

По мнению немецкого историка, это было связано с тем, что рабочие-мусульмане не имели прочной связи с окружающей их в городе социальной средой. Этим людям в большинстве своем приковывало к месту работы лишь получаемое ими жалование, а участие в стачках грозило его потерей. По этой причине рабочие-мусульмане практически не принимали участия в стачках и демонстрациях [5].

Кроме того, различия в образе жизни, культуре, религии, системах мировосприятия разобщали рабочих разных национальностей. Агитаторы социалистических партий видели в приверженности рабочих-мусульман исламской традиции выражение отсталости и варварства. В результате стремление социалистов увязать борьбу за права рабочих с походом против мнимой отсталости ислама приводило только к отдалению рабочих данной конфессии от социализма. Большую роль в изоляции рабочих-мусульман от социалистического движения играли патриархальные традиции деревни, система патронажа. В чужом городе они не находили для себя никакой опоры. Только представители мусульманской интеллигенции и буржуазии могли оказать им поддержку и дать жизненные ориентиры. Их объединяли общее исламское мировоззрение и обостренное чувство обособленности, усугублявшееся пренебрежением со стороны представителей других конфессий.

АКТИВНОСТЬ МЕСТНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. Пассивность буржуазии и рабочих в общественно-политической жизни компенсировалась активностью местной интеллигенции, которая заняла особое место в изменяющемся социуме закавказских мусульман. Татарская интеллигенция, как справедливо заметил Свентоховский, являлась продуктом контакта двух цивилизаций – европейской, представленной Российской империей, и традиционной исламской [6]. Попытка совместить мусульманские ценности с европейскими идеями просвещения и национализма привела к кризису старой идентичности и настойчивым поискам своего, особого, места.

Мусульманская интеллигенция, по мнению немецкой исследовательницы М. Аух, смогла нащупать несколько возможных вариантов самоутверждения. По-прежнему сохраняла свою актуальность иранская (шиитская) традиция. Другой альтернативой являлось обращение к тюркскому языковому и этническому наследию. В данном случае культурным ориентиром должна была служить Турция с ее опытом европейской модернизации. Третья возможность виделась в акцентировании собственного местного тюркского – азербайджанского – своеобразия [7]. Осознание этих альтернатив и возможностей, которые они открывали, заняло всю вторую половину XIX века.

Первое поколение интеллигенции, ярким представителем которого был Мирза Фатали Ахундзаде, находилось под явным влиянием иранской культуры. Второе же поколение, сформировавшееся в 1870-е годы, все чаще стало обращаться к традициям тюркской культуры. В 1875 году учитель бакинской гимназии Гасан-бек Зардаби начал издавать в Баку газету «Экинчи» («Пахарь») – первый тюркоязычный печатный орган в России. На страницах газеты он проповедовал антиклерикальные идеи европейского просвещения. Его деятельность фактически означала начало артикуляции тюркской идентичности интеллигенции. Однако местные литераторы, избравшие своим языком персидский, враждебно встретили попытки Зардаби использовать тюркский «непечатный язык простого люда». Особенно яростной критике подвергалась его идея об идентификации местного тюркского с османским языком.

На идейные поиски мусульманской интеллигенции большое влияние оказали труды уроженца Ирана писателя Гаджи Сайида аль-Афгани, предложившего совместить ислам с некоторыми достижениями европейской цивилизации. По мнению аль-Афгани, людей связывает в нацию два фактора – единство языка и религии. Базируясь на этих идеях, Исмаил Гаспринский, основатель пантюркистского движения в России, в своей газете «Герджю-

ман» («Переводчик»), выходящей с 1883 года в Бахчисарае, проповедовал духовное, языковое и культурное единение всех тюркских народов в рамках единой империи.

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. Подъем пантюркизма обострил процесс поиска национальной идентичности среди мусульманской интеллигенции Закавказья. В 1891 году в газете «Кешкюль» было опубликовано фиктивное интервью с неким южно-кавказским мусульманином. В нем четко проводилось различие между понятиями местной религиозной общины и национальностью, все еще обозначавшимися единым словом «миллет». Развивая свою мысль, редакция газеты предлагала ввести термин «азербайджанские тюрки» для обозначения тюрков-мусульман, живущих по обе стороны ирано-российской границы. Таким образом была сделана первая попытка связать тюркское самосознание с местной азербайджанской идентичностью.

Революция 1905–1907 годов дала первый политический опыт местной буржуазии и интеллигенции в виде участия в общероссийском освободительном движении. Ядром азербайджанского либерализма стали представители мусульман в Бакинской думе, которые свои позиции озвучивали на страницах газеты «Каспий» (редактор – один из будущих лидеров Азербайджанской Демократической Республики Али Марданбек Топчибашев). Местные либералы активно участвовали в деятельности всероссийского мусульманского движения, в первый раз выдвинув требования гражданского и религиозного равноправия, а также культурной автономии для закавказских мусульман.

Другого рода опыт – мобилизация широких слоев мусульман Закавказья – получен в период развернувшегося в то время острого этнического конфликта армянской и мусульманской общин Закавказья. «Вообще, армяно-татарские столкновения сыграли весьма крупное значение в развитии среди Закавказских мусульман общественного движения, – говорилось в секретном докладе канцелярии заместителя на Кавказе. – Печальные события 1904–1905 годов послужили тем решительным толчком, который заставил инертные до того мусульманские массы зашевелиться, предпринять шаги к объединению мусульман против других народностей края и, наконец, формулировать, через посредство своей интеллигенции, в виде более или менее определенной политической программы пожелания мусульманского населения Закавказского края» [8].

ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ. На почве армяно-татарских столкновений появились и первые политические партии мусульман Закавказья. В середине 1906 года в Баку образовалась партия «Дифаи» («Оборона»), которую возглавили Ахмед-бек Агаев, Мамед Гасан Гаджинский и другие. Главной целью партии стала защита мусульманского населения от армянских боевиков и произвола местной администрации путем террора. В то же время в Елисаветполе возникла организация социалистов-революционеров националистического толка «Гейрат» («Честь»), во главе которой стояли Насиб-бек Усуббеков и Алекпер-бек Рафибеков. Программа партии предусматривала отделение Кавказа от России на федеративной основе и образование автономий в районах, где преобладает мусульманское население. В 1907 году в Тифлисе возникла партия «Мудафие», которая придерживалась программы «Дифаи».

Большое влияние на развитие национального движения азербайджанских тюрков оказала младотурецкая революция 1908 года. В новых условиях пантюркизм из аморфного культурного движения стал превращаться в политически организованное движение. В декабре 1908 года в Стамбуле появилась организация для пропаганды тюркизма (культурно-академический «Тюркский кружок»). Ее председателем и главным теоретиком пантюркизма стал Зия Гекалп, выдвинувший идею «великого Турана», в рамках которого под эгидой Турции должны объединиться все тюркские народы. В состав «Тюркского кружка» вошли и эми-

грировавшие из России азербайджанские тюрки – Ахмед-бек Агаев, Али-бек Гусейнзаде, Юсиф Акчурин, Мамед Эмин Расул-заде, которые быстро оказались под глубоким влиянием этой идеологии. По возвращении домой они принесли с собой четко оформленные идеи пантюркизма, превратившегося после 1908 года в основное направление политической мысли закавказских мусульман. Среди вернувшихся был и Расул-заде, который воспользовался объявленной в 1913 году царским правительством амнистией. Оказавшись в Баку, он сразу же присоединился к образовавшейся в 1911 году партии панисламистской направленности «Мусават». Между тем в своих статьях он четко разграничивал понятия «умма» (религиозная общность) и «миллет» (нация). С его точки зрения, нацией можно называть человеческую общность, объединенную языком, религией, литературой и историей; при этом религия играет подчиненную роль.

В это время на страницах закавказской прессы шла ожесточенная полемика по вопросу литературного азербайджанского языка. Вся интеллигенция разделилась на два лагеря: «османчилар» – сторонников османского языка как единственного выразителя тюркского культурного наследия и «азеричилар» – сторонников местного азербайджанского языка, понятного широкой читательской массе. Расул-заде предложил компромисс, заключавшийся в создании нового очищенного турецкого языка, состоящего исключительно из тюркских слов. Но вопрос был не в языке, речь шла о соперничестве в сознании местной интеллигенции двух национально-культурных и политических проектов – турецкого (огузского) и местного азербайджанского. Помимо этого в этой же интеллектуальной среде существовало понимание единства культуры и истории тюркских народов в границах Российской империи, что являлось основой для еще одного проекта.

Таким образом, накануне Первой мировой войны поиски национальной идеи закавказских тюрков не были завершены. Более того, надо констатировать, что они пока затрагивали только узкую прослойку местной буржуазии и интеллигенции. Широкие слои мусульманского населения, всколыхнувшиеся в период первой революции, снова пришли в инертное состояние и не проявляли никакой политической активности.

ЗИМА И ВЕСНА 1917 ГОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МУСУЛЬМАН ЗАКАВКАЗЬЯ

Февральская революция сразу дала новый толчок развитию национальных движений на территории бывшей Российской империи. С особым восторгом встретили мусульмане первые постановления Временного правительства, где обещалась свобода слова и собраний, отмена сословных и религиозных ограничений. Координирующим центром политической активности мусульманского населения страны стала мусульманская фракция Государственной думы. По ее инициативе 20 марта 1917 года был организован митинг петроградских мусульман, которым руководил депутат от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний М.-Ю. Джафаров. На следующий день в особой записке фракция предложила правительству направить во все ведомства, деятельность которых связана с мусульманским населением, а также в регионы, где мусульмане составляют большинство населения, лиц, хорошо знакомых с условиями их жизни. Предложение было принято, и уже 22 марта при формировании Особого закавказского комитета (ОЗАКОМа) в число комиссаров был включен М.-Ю. Джафаров.

Высокая степень общественно-политической консолидации российских мусульман, проявившаяся в первые месяцы революции, объясняется их четким осознанием себя как единой религиозной общины с общими проблемами и нуждами. В то же время различия в культуре в социально-экономических и политических условиях жизни мусульман различных регионов рухнувшей империи неизбежно вели к разногласиям в понимании задач оформившегося общероссийского движения. Эти разногласия особенно остро проявятся в мае 1917 года на 1-м Всероссийском мусульманском съезде при обсуждении вопроса о форме государственного устройства бывшей империи.

На Кавказе сообщение об отречении Николая II первым получил тогдашний наместник великий князь Николай Николаевич, попытавшийся сохранить прежний административный порядок в крае. Однако уже 16 марта состоялось собрание представителей районов и отдельных предприятий Тифлиса под председательством Ноя Жордания, на котором было решено образовать Тифлисский Совет рабочих депутатов. Образованный по его инициативе Временный исполнительный комитет обратился в правительство с просьбой «незамедлительно командировать на Кавказ одного или нескольких комиссаров из числа видных общественных деятелей». Вскоре из Петрограда была получена телеграмма с сообщением о создании 22 марта Временным правительством Особого закавказского комитета, который уже выехал в Тифлис. В его состав вошли члены Государственной думы В.А. Харламов (председатель), М.И. Пападжанов, М.Ю. Джафаров, князь К. Абашидзе и П.Н. Переверзев, что вызвало недовольство со стороны Тифлисского Совета [9]. Последний настоял на включении в состав своего представителя, в результате чего там вместо Переверзева появился меньшевик А. Чхенкели, что значительно укрепило позиции Совета рабочих депутатов в Закавказье.

Довольно решительный характер события приняли в Баку. Узнав 15 марта о революции, рабочие на следующий день объявили всеобщую «приветственную» забастовку. На большом митинге, состоявшемся во дворе городской управы, было решено послать приветственную телеграмму в адрес Временного комитета Государственной думы. В ночь на 18 марта был создан новый орган власти из представителей общественных организаций – Бакинский временный исполнительный комитет, в состав которого вошли представители городского самоуправления, Совета рабочих депутатов, кооперативов, профсоюзов, продовольственного совещания. Одновременно с его организацией возник и Совет рабочих депутатов, председателем которого был избран известный революционер Степан Шаумян. Организацию новой власти в уездах взял на себя Бакинский совет сельского хозяйства.

Прибыв 30 марта в Тифлис, члены Особого закавказского комитета поспешили выпустить воззвание к населению с изложением программы деятельности. В ближайшем будущем ОЗАКОМ намеревался обеспечить осуществление свободы совести, привлечь к управлению местные общественные силы, ввести выборный мировой суд и так далее. В воззвании особенно подчеркивалось, что «вопросы, имеющие общегосударственное значение, как-то: национальный, церковный, аграрный и рабочий – могут получить окончательное разрешение лишь в Учредительном собрании» [10].

Первые мероприятия ОЗАКОМа были поддержаны резолюциями двух краевых съездов [11]. В них делегаты высказались за проведение политики коалиций и соглашений, которая позволит объединить все политические силы края для достижения главной цели – создания демократической республики. Окончательное решение таких важных вопросов, как рабочий и национальный, оба съезда оставляли за Учредительным собранием. Таким образом, к концу мая 1917 года ясно определился характер краевой власти. Она оказалась достаточно независимой от Петрограда и в то же время зависимой от местных политических сил. Отсюда ее стремление к компромиссам и соглашениям, особенно при решении таких острых вопросов, как национальный, рабочий и аграрный. Это создавало условия для широкой деятельности как социалистических, так и национальных партий и организаций.

В первые дни после революции организации закавказских мусульман находились в инертном состоянии, не предпринимая никаких действий. Не удивительно, что в появившихся структурах новой власти они были представлены минимально. Только получив обнадеживающие известия из Петрограда, от членов своей думской фракции, 22 марта руководители различных бакинских мусульманских обществ организовали торжественный раут, на котором был решен вопрос о приветственной телеграмме Временному правительству. Следующим шагом стала организация единого политического центра тюрок-мусульман Закавказья, вопрос о котором обсуждался на собраниях представителей мусульманской интеллигенции. На втором из них, прошедшем 9 апреля под председательством Хойского, было избрано Национальное бюро Временного комитета Совета бакинских мусульманских общественных организаций. В его исполнительный комитет вошли А. Топчибашев и Ф. Хойский, их заместителями стали Н. Нариманов и А. Амирджанов.

В это же время в Гяндже 15 апреля состоялся учредительный съезд Тюркской партии федералистов. На многолюдном митинге, проходившем под лозунгами «Да здравствует демократическая республика!» и «Да здравствует автономия Азербайджана!», была зачитана политическая программа партии, основные идеи которой были заимствованы ее основателем Насиб бек Усуббековым из аналогичного документа турецкой партии федералистов. Руководствуясь национально-демократическими принципами, партия ставила своей политической задачей осуществление: «а) демократической республики на национально-территориально-федеративных началах, вообще, в России, и в частности: б) территориальной автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии, а также: в) национальной автономии поволжских и крымских татар и всех вообще тюркских народностей». Автономные единицы должны были получить полную независимость в своих внутренних делах (административных, финансово-хозяйственных, культурных и в судопроизводстве). В юрисдикции федеральных властей оставались лишь вопросы обороны, внешней политики, денежной системы и таможни [12].

В отличие от Тюркской партии федералистов Бакинский комитет не спешил с обнародованием политической программы до созыва общемусульманского закавказского съезда. Для него гораздо важнее было заявить о себе как о политическом центре мусульман Закавказья. В воззвании от 19 апреля говорилось: «В целях ознакомления широких мусульманских масс с исторической важностью переживаемого момента, объединения всех мусульманских общественных сил, путем создания соответствующих организаций, для выяснения

и популяризации национально-политических идеалов, образовался Совет мусульманских общественных организаций, который избрал из своей среды временный Комитет, именуемый „Комитетом Бакинских мусульманских Общественных Организаций...“ [13]. В целом апрель 1917 года оказался ключевым в процессе политического оформления мусульманского национального движения в Закавказье.

ПЕРВЫЙ ОБЩЕКАВКАЗСКИЙ СЪЕЗД МУСУЛЬМАН. На этот съезд, открывшийся в Баку 28 апреля, съехалось около 300 делегатов – представителей мусульман Азербайджана, Грузии и Армении. В центре общего внимания оказался вопрос о будущем политического устройства России. На съезде блистал своим красноречием и приобретенным в период эмиграции в Турции знанием политических формул тюркского национализма М.Э. Расул-заде, потребовавший предоставления национальным группам России права свободного самоопределения. Обособленные таким путем отдельные народы России, по мнению Расул-заде, образовали бы затем государственный союз, основанный на принципе национально-территориальной автономии.

Его главными оппонентами выступили сторонники панисламистского движения и социалисты. Первые утверждали, что идея национально-территориальной автономии только разобщает мусульманские народы, социалисты же говорили о расколе революционного движения. Съезд после длительного обсуждения постановил признать, что «формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на федеративных началах. Съезд также признал необходимым „создание одного центрального общемусульманского органа для всей России с законодательными функциями“ [14].

Серьезное внимание было обращено на вопрос о народном образовании. По докладу Э. Эфенди-заде была принята резолюция „О необходимости всеобщего, обязательного и бесплатного обучения на тюркском языке“. Осознавая важность открытия новых учебных заведений в деле формирования национального самосознания, делегаты постановили учредить специальный фонд для финансирования этого направления. Первое пожертвование в фонд в размере 50 тыс. рублей сделал Г.З. Тагиев. В заключительный день съезда было принято постановление об организации мусульманских национальных комитетов на Кавказе и создании двух временных центральных бюро для Северного Кавказа и Закавказья. Для ведения дел всего Кавказа в Тифлисе предполагалось создать особый орган, состав которого избирался из представителей двух временных бюро.

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ СЪЕЗД. Только в Баку завершил свою работу Первый общекавказский съезд, как в Москве 1 мая открылся Всероссийский мусульманский съезд. Среди множества намеченных к рассмотрению задач первым по своей значимости стоял вопрос о форме государственного устройства России, обсуждение которого тут же раскололо всех делегатов на два лагеря. Одна часть выступала за создание федерации с национально-территориальными автономиями, другая – за унитарное государство с широким областным самоуправлением и принципом национально-культурной автономии.

Идею федеративного государства активно отстаивал Мамед Эмин Расул-заде. В лучших традициях „Тюркского кружка“ в Стамбуле он блестяще представил делегатам съезда апологию местного тюркского национализма. Начав с общего вопроса – что такое нация? – он сначала последовательно отделил понятие нации от религии (ислама). „Вопрос, который нужно задать, таков: что есть нация? Я уверен, что наиболее важные черты нации состоят из языковых и исторических связей, из общности обычаев и традиций. Иногда можно услышать, что Ислам является олицетворением нации, поскольку, если тюрко-татарина спрашивают о его национальности, он отвечает: я мусульманин. Но это ошибочная точка зрения...

Не существует христианской национальности и точно так же не существует и исламской национальности. В этом большом мусульманском доме должны иметься отдельные комнаты для тюрков и арабов“. Далее он отделил понятие „единой тюркской нации“ от реально существующих самобытных тюркских народов: „Тюрко-татарские нации имеют общие корни. Вместе с тем, неопровержим и тот факт, что они говорят на отдельных диалектах и отличаются своими особенностями. У поволжских татар сегодня имеется собственная литература, печать, свои писатели и поэты. Узбеки также имеют свою богатую литературу. Начинает развиваться казахская и киргизская пресса. Ни один из этих народов не согласится отказаться от своей сущности. Азербайджанские тюрки также не откажутся от своего языка, литературы и обычаев“. Эта речь вызвала большой отклик со стороны делегатов других национальных окраин, что и предопределило итоговое решение съезда.

Наконец 7 мая, в конце шестого заседания, съезд большинством в 446 голосов против 271 постановил „признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются культурной автономией“. В последний день работы, 11 мая, съезд сформировал Всероссийский мусульманский совет из 30 человек, выбравших свой исполком (ИК ВМС, или Икомус) в составе 12 человек с пребыванием в Петрограде.

В РЯДАХ ВСЕРОССИЙСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЛЕТОМ 1917 ГОДА

ИДЕЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕДИНОВЕРЦЕВ. Несмотря на то, что на московском съезде делегаты из Закавказья скептически восприняли идею создания Всероссийского мусульманского совета, 13 июня Комитет бакинских мусульманских общественных организаций решил направить туда своих делегатов. В итоге от региона в совет попали Ф. Хойский, в Икомус – А. Шейхульисламов и М. Векилов. Напомним, что съезд предоставил Всероссийскому мусульманскому совету и его исполкому всю полноту национального представительства и руководства политической жизнью мусульман России. Поэтому желательно было иметь своих представителей в этой структуре, чтобы быть в курсе всех событий в центре и получить возможность влияния на них. Главной задачей совета стало привлечение внимания правительства к нуждам и требованиям российских мусульман. С этой целью его представители направлялись в Особое совещание по подготовке выборов в Учредительное собрание, в комиссию по духовным делам при Департаменте духовных дел, в Государственный комитет по народному образованию.

Для закавказских мусульман наиболее важным оказалась работа в Комиссии по выборам на окраинах Особого совещания. Вмешательство Векилова, Хойского и Шейхульисламова позволило отклонить проект профессора Петроградского университета Н.Г. Адонца о разделе всего Закавказья на три избирательных округа – грузинский, армянский и мусульманский. По этому проекту закавказские мусульмане делились на три части, из которых только одна образовывала самостоятельный мусульманский округ, а две другие входили в грузинский и армянский. Проект, расплывшийся мусульман Закавказья, не мог устроить лидеров Комитета бакинских мусульманских общественных организаций, поэтому они настояли на создании единого Закавказского избирательного округа, в рамках которого гораздо легче можно было влиять на умонастроения всего мусульманского населения.

Во время работы в Особом совещании у кавказских мусульман появились первые признаки разочарования от сотрудничества с Временным правительством. В частности, Хойский выразил сомнение в том, что Учредительное собрание сможет обеспечить все права мусульман страны. Пессимизм будущего руководителя Азербайджанской Республики был связан не столько с заседаниями Особого совещания, сколько с общей политической ситуацией. Как раз в июне разворачивался конфликт Временного правительства с Центральной радой, требовавшей введения национально-территориальной автономии. Однако Юридическое совещание при правительстве 3 июня дало отрицательное заключение на идею автономии, высказавшись в пользу „культурно-национального самоопределения“. В ответ 10 июня Рада издала первый универсал, провозглашавший автономию Украины.

В этой ситуации серьезные опасения депутатам с национальных окраин внушал вопрос о направлении деятельности самого Всероссийского мусульманского совета. На заседании совета 28 июня представитель Северного Кавказа Джабагиев в пылу полемики открыто заявил: „Мы, горцы Северного Кавказа, признаем только чистых националистов. Основное стремление наше – федеративная республика... Нас больше интересуют вопросы национальные, вопросы же социальные мы решим сами, когда получим федерацию“. Его поддержал Хойский, заявивший, что „разрешение национальных политических вопросов“ является основной задачей Всероссийского совета» [15]. Таким образом, представители на окраинах стремились подчинить деятельность совета исключительно решению вопросов, связанных с созданием национально-территориальных автономий, но не встречали полного понимания со стороны мусульман внутренних губерний.

Между тем конфликт с Центральной радой привел к выходу 2 июля из Временного правительства кадетов, протестовавших против заключенного с украинцами соглашения. Разразился очередной правительственный кризис.

8 этих условиях Икомус решил поддержать Временное правительство в обмен на включение в его новый состав мусульман. Интересно, что среди предложенных кандидатур фигурировали два представителя от Баку – С. Ганиев и А. Топчибашев. Но планам Икомуса не дано было осуществиться.

События в Петрограде нашли широкий отклик среди мусульманской элиты Закавказья. «Ошибочно было бы думать, – говорилось в передовице газеты „Ачыг Сёз“ от 9 июля, – что народы Кавказа не стремятся к национальному самоопределению. Только работы в этой области отличаются пассивностью, что является продуктом инертного отношения к данному вопросу нашей интеллигенции. Нам, конечно, не приходится брать примеры с Польши или с Украины в смысле самоопределения, но, тем не менее, забота в этом направлении нужна» [16]. Пример Центральной рады казался заманчивым, и вывод напрашивался сам собой – надо усиливать работу в этом же направлении.

Поняв в течение лета 1917 года, что Временное правительство особо не стремится к сотрудничеству с мусульманскими организациями, их руководители стали решать многие важные вопросы явочным порядком. 17 июля в Казани открылся Всероссийский съезд мусульман-военных, главным мероприятием которого стали выборы Всероссийского мусульманского военного совета и Центрального военного шуро. Съезд постановил отправить в Петроград специальную делегацию для разрешения вопроса об образовании отдельных мусульманских частей. В случае отказа было постановлено приступить к созданию частей явочным путем. На съезде был также открыт сбор денежных пожертвований на образование национальных формирований, в частности, представитель Комитета бакинских мусульманских общественных организаций М. Асадуллаев пожертвовал 50 тыс. рублей.

В мусульманском движении России все заметнее становилось расхождение интересов мусульман внутренних губерний и окраин. Представители второй группы открыто заявили, что не смогут участвовать во Втором Всероссийском мусульманском съезде, поскольку для них важнее провести свои национальные собрания и принять решение о национально-территориальных автономиях. Исключение составили делегаты от Закавказья – М. Расул-заде, С. Аджалов, Н. Велиев и Х. Каибов, продемонстрировавшие еще раз заинтересованность в общероссийском мусульманском движении.

На состоявшемся 22 июля в Казани заседании делегаты трех съездов мусульман (мусульманского, военного и съезда мулл) провозгласили национально-культурную автономию мусульман Европейской России и Сибири, что явилось наиболее значительным политическим событием в жизни российских мусульман в 1917 году. По сути, была проведена ревизия решений московского съезда, поскольку на первый план выдвинуто создание национально-культурной, а не национально-территориальной автономии. В то же время съезд решил, что вопрос о форме управления мусульманскими окраинами – Кавказом, Туркестаном, Киргизией, Крымом – должен решаться самостоятельно их населением. Оценивая деятельность мусульманских лидеров на этих окраинах, глава Всероссийского мусульманского совета Цаликов язвительно заметил: «Среди нас могут быть племенные сепаратисты киргизские, сартские, туркменские и башкирские и т. п. Конечно, понятна внутренняя сущность деятелей этих племенных и окраинных сепаратистов. Бессильные работать на общей почве, они ищут приходского главенства – это Робеспьеры Чебоксар и Тетюшей... Вред, который приносит общему делу бесчестолюбия этих лиц, неисчислимы, но нужно думать, что здоровый инстинкт народных масс направит их работу по руслу единения мусульманской демократии. Иначе гибель и позор мусульманам России!» [17].

Но всероссийскому мусульманскому движению выпал еще один шанс продемонстрировать единство и попробовать добиться от правительства выполнения своих требований. В условиях нарастания социально-политической нестабильности Временное правительство решило созвать 31 июля в Москве Государственное совещание для наведения в стране порядка. На августовское совещание прибыли 34 представителя от мусульманских организаций, в том числе и от Комитета бакинских мусульманских общественных организаций.

Несколько ранее, 2 августа, из Казани в Петроград выехала специальная делегация с целью добиться встречи с Керенским и передать ему три докладных записки о формировании мусульманских войсковых частей, а также о тяжелом положении мусульман Туркестана и Кавказа. Делегацию принял заместитель премьер-министра Н.В. Некрасов, который попросил подождать до конца созванного совещания. Делегация в очередной раз ушла разочарованной. Тем не менее выступивший на совещании от имени всех мусульман Топчибашев заявил о поддержке мусульманами Временного правительства «в борьбе и с анархией, и контрреволюционными попытками, откуда бы таковые ни исходили». Он подчеркнул, что «лозунг – самоопределение народов – мусульмане кладут в основание форм государственного устройства, оставляя разрешение самого вопроса до Учредительного собрания, на котором они будут отстаивать для окраин федеративное устройство. Теперь же во имя интересов революционного государства и лозунгов революционной России мусульмане выставляют необходимость осуществления национально-культурной автономии, провозглашенной на Всероссийском мусульманском съезде» [18].

СЛУХИ И КОНФЛИКТЫ. В одной из докладных записок на имя Керенского говорилось о тяжелом положении мусульман в Закавказье. В целом этот документ отражал довольно сложную ситуацию в межнациональных отношениях, сложившуюся летом 1917 года. В мае член Особого закавказского комитета Чхенкели организовал специальный совет из семи человек для разрешения разногласий и конфликтов между закавказскими народами. Примерно в то же время на страницах региональных изданий все чаще появляются заметки с описанием разбоев, грабежей, вооруженных нападений и межнациональных столкновений. Особо часто в прессе муссировалась тема самовооружения мусульманского населения, что являлось ответом на участвовавшие случаи беспорядков, сопровождавшихся разгромом мусульманских магазинов, чайных и т. п.

Мусульманские организации были вынуждены постоянно опровергать слухи такого рода. Например, 15 мая Комитет бакинских мусульманских общественных организаций в воззвании категорически опроверг «циркулирующие в Баку слухи о, якобы, тайном массовом вооружении с антиобщественными целями мусульманской части населения» [19]. Всероссийский мусульманский совет направил Керенскому телеграмму с просьбой принять экстренные меры к предотвращению столкновений военных с мусульманами. В ответ премьер-министр направил телеграмму командованию Кавказской армии, распорядившись распространить ее среди населения и войск. В ней он выразил надежду, что народы Кавказа сохранят полное спокойствие и никакая смута или вражда его не нарушат.

По решению московского съезда и Всероссийского мусульманского военного шуро на Кавказ была направлена специальная военная делегация с целью пресечь развитие межнациональных конфликтов. Прибыв 7 июня в Елисаветполь, делегация потребовала от исполкома местного Совета посредством воззваний и листовок опровергнуть слухи о вооружении мусульман. Правда, сам факт покупки оружия представители тюркской общественности не отрицали. В опубликованном 8 июня за подписями председателя делегации Всероссийского мусульманского совета и председателя Комитета бакинских мусульманских общественных организаций воззвании говорилось: «У мусульман нет врагов внутри России, и вооружаться

им незначим. Если где-нибудь и есть случаи покупки оружия, то это или покупают разбойники, или же оружие покупается для защиты от разбойников...» [20].

После посещения Эривани 26 июня делегация должна была направиться в Батум, Карс, Эрзерум и на Кавказский фронт. Но планы были нарушены, поскольку Совет солдатских депутатов Карса запретил делегации проезд в этот район. Возможно, Совет пытался скрыть произошедшие там столкновения и их размеры. Свой отчет о поездке делегаты представили участникам объединенного заседания трех мусульманских съездов в Казани. В нем говорилось, что положение закавказских мусульман не изменилось к лучшему, а на завоеванных территориях наблюдается систематическое насилие над ними. Делегаты говорили о военных карательных экспедициях, во время которых вырезались сотни невинных женщин и детей, об игнорировании нужд мусульман, испытывающих крайнюю материальную нужду, и т. д. Вся ответственность за эскалацию насилия в крае была возложена на местную администрацию во главе с генерал-комиссаром Турецкой Армении П.А. Аверьяновым и его помощником Я.Х. Завриевым.

Съезд в своей резолюции поддержал требование Комитета общественных организаций об отстранении Аверьянова, Завриева, Иваницкого и назначении трех комиссаров (русского, мусульманина и армянина). В очередной раз правительство проигнорировало требование мусульманской общественности. Вместо этого комиссаром по делам Кавказа в Петрограде назначили известного кадетского лидера В.Д. Набокова, на которого возлагалась задача координации действий между правительством и управлением генерал-комиссара Турецкой Армении. Такое решение испугало членов комитета, считавших, что должность комиссара по делам Кавказа была задумана дашнаками с целью лишить другие народы Закавказья участия в «строительстве собственной жизни». Все протесты закавказских мусульман остались без внимания. Распоряжением правительства от 8 августа Завриев и Ф.И. Иваницкий были утверждены помощниками по гражданской части генерал-комиссара Турецкой Армении. Однако эти назначения не смогли положительно повлиять на накалявшуюся в регионе ситуацию, где этнические конфликты вспыхивали все чаще.

Разногласия во Всероссийском мусульманском совете по вопросу будущего государственного устройства России, равнодушие Временного правительства к требованиям мусульманского движения, а также обозначившийся рост межнациональной напряженности в Закавказье – все это заставляло закавказских мусульман рассчитывать только на свои силы в деле обретения национально-территориальной автономии. Осознавая свою организационную слабость, азербайджанские лидеры в июле предприняли ряд мер, направленных на консолидацию своих разрозненных сил.

Согласно достигнутой еще на Первом Всероссийском мусульманском съезде договоренности, 3 июля произошло объединение Мусульманской демократической партии «Мусават» с Тюркской партией федералистов. Следующим шагом стала реорганизация Комитета бакинских мусульманских общественных организаций для создания «солидного национально-политического учреждения», способного провести в жизнь резолюции первого общекавказского съезда. По утвержденному 9 июля проекту в состав нового органа должны были войти представители всех общественных и политических мусульманских организаций Закавказья. С учетом нехватки образованных кадров в проекте специально оговаривалось, что союзам лиц интеллигентных занятий (духовенству, журналистам, врачам, юристам, инженерам, студентам и т. п.) число мест увеличивается вдвое.

Однако даже проведенная на выборах 25 июля в комитете фактически полная мобилизация всех «демократично-интеллигентных сил» закавказского мусульманства не дала ожидаемого эффекта. К концу августа ничего не было сделано для создания Центрального Закавказского мусульманского комитета, о чем говорилось еще с апреля. Правда, в начале июля в Тифлисе организовали Временный президиум мусульманских организаций,

но его деятельность оставалась практически незаметной. На заседании 18 августа Комитет бакинских мусульманских общественных организаций потребовал от президиума незамедлительно принять все возможные меры для организации центрального комитета. В начале сентября состав Бакинского комитета по предложению его главы Топчибашева был кардинально обновлен. С учетом усилившегося летом 1917 года движения мусульманских крестьян и рабочих в комитет ввели 30 представителей от крестьян, 10 – от рабочих, а также по одному представителю от партий «Мусават», «Гуммет», «Демократический Иран» и мусульманских эсеров. В новом составе комитет начал выполнять функции Центрального Закавказского мусульманского национального совета, под знаменем которого осенью 1917 года объединятся все национальные политические силы мусульман Закавказья.

Создание единого центра мусульман Закавказья еще не означало, что широкие слои мусульманского населения признают и поддержат его в политической борьбе. Завоевать и подчинить их национальным лозунгам можно было только при жестком контроле органов местного самоуправления. В первую очередь это касалось Баку. Комитет общественных организаций одним из первых выдвинул требование пропорционального представительства мусульман в органах местного самоуправления. Только в данном случае при высоком проценте неграмотности и политической индифферентности широких слоев мусульман они могли рассчитывать на успех при проведении выборов. Однако здесь комитет встретил сопротивление со стороны социалистических партий, считавших, что всеобщее, прямое и равное избирательное право при тайном голосовании вполне гарантирует мусульманам возможность полного выражения своей воли. Последние прекрасно осознавали, что при такой избирательной системе они, опираясь на более грамотное и политически активное русское и армянское население, имеют больше шансов на успех. Это подтвердилось на первых выборах в Советы рабочих и военных депутатов в марте 1917 года, когда мусульмане получили минимум мест.

Для превращения мусульманской массы в Баку в активный электорат имела жизненная необходимость в широкомасштабной агитационной работе. Отметим, что они изначально обладали серьезным преимуществом перед социалистами – единством языка, религии и культуры. Рабочие-мусульмане с трудом поддавались агитации социалистов, у которых постоянно не хватало людей, способных делать политические доклады и писать листовки на тюркском языке. Первым большим успехом Комитета общественных организаций в борьбе за органы местной власти стала победа на выборах в продовольственные комитеты (продкомы).

Кризис с поставками продовольствия дал о себе знать уже в первые дни существования новой власти. Уже с 1 мая 1917 года в городе была введена карточная система на хлеб и сахар. Чтобы наладить городскую систему снабжения, Бакинский исполком общественных организаций постановил организовать временные продкомы, в задачи которых входил учет запасов, контроль над частной торговлей, равномерное распределение продуктов, борьба со всеми видами злоупотреблений, руководство городскими столовыми, содействие охране и безопасности в городе. Понятно, что организация, курировавшая управление данными комитетами, получала возможность воздействовать на настроения городского населения. На прошедших в начале июня выборах победа мусульман была настолько убедительной, а поражение социал-демократов настолько очевидным, что последние даже решили отозвать своих представителей из четырех продкомов, где они оказались в меньшинстве. Газета «Ачиг Сёз» в статье «Ошибка левых» замечала, что «ошибка эта – то невнимание, которое они оказали местному, в данном случае мусульманскому, населению, составляющему большинство, и которое выразилось в факте отсутствия представителей из мусульман в местных организациях, имеющих важное значение, как Исполком, Совет рабочих депутатов и др.» [21].

Очередным раундом борьбы между социалистами и мусульманским крылом стали перевыборы в городскую думу. Желая значительно увеличить свою электоральную базу на предстоящих выборах, социалисты потребовали присоединить к городу промышленные районы. Против этого выступил Комитет бакинских мусульманских общественных организаций, потребовавший создания особого самоуправления или земства из промышленных районов с включением в него всех 33 селений Бакинского градоначальства. Создание подобной административной единицы позволило бы лидерам мусульманских организаций взять под свой полный контроль рабочих-мусульман и избавиться от навязчивой конкуренции социалистов. Особый закавказский комитет под сильным давлением противоборствующих сторон вынужден был принять компромиссное решение: присоединить промышленные районы к Баку, однако выборы в думу проводить без них. Это небольшое достижение лидеры мусульманского комитета смогли оценить в полной мере в ноябре 1917 года, в период острой борьбы с большевиками.

Если в Баку главным препятствием в деятельности мусульманских организаций была конкуренция со стороны социалистических партий, то в самих Бакинской и Елисаветпольской губерниях они столкнулись с другими проблемами. Главной трудностью при формировании мусульманских нацсоветов были неграмотность и полное незнание населения с политической жизнью страны. Несмотря на это, с июня в уездах стали один за другим создаваться мусульманские национальные комитеты, где основной движущей силой были студенты-мусульмане. Прошедший 22 мая в Баку Съезд учащихся-мусульман избрал в качестве своей программы резолюции Первого общекавказского съезда, в результате чего в распоряжении Бакинского комитета появился значительный кадровый резерв для выполнения агитационной и организаторской работы на местах. К августу 1917 года борьбу за власть в уездах можно было считать завершённой по всему региону в пользу мусульманского блока.

РЯДОМ С НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИЕЙ

КОРНИЛОВСКИЙ МЯТЕЖ. Выступление генерала Л.Г. Корнилова оказалось звездным часом Всероссийского мусульманского совета. Когда стало известно, что в состав корниловских войск входит Кавказская туземная дивизия (более известная как «Дикая дивизия»), Икомус сразу предложил отправить своих представителей навстречу ей, чтобы привлечь их на сторону революции. Они в составе правительственной делегации сумели быстро распропагандировать офицеров и солдат дивизии. Усилия мусульманской делегации были отмечены Керенским, который в благодарность позволил начать мусульманизацию армии. В сентябре 1917 года правительство признало Всероссийский мусульманский военный совет, у которого появилась возможность послать своих комиссаров в Политическое управление Военного министерства, в Главное управление Генерального штаба, в штаб Главковерха, а также в штабы всех округов, фронтов и армий.

События Корниловского мятежа были восприняты национальными окраинами как проявление слабости центра. Созыв 19–28 сентября в Киеве Съезда народов России стал прямой реакцией лидеров национальных движений на усиление анархии в стране. В работе съезда участвовало 15 делегатов от мусульманских народов, в том числе М. Векилов, А. Адиебеков, Д. Садыков и Ш. Рустамбеков, представлявшие Закавказье. Главными решениями этого представительного форума стали следующие: «1. Признать единственно возможной формой государственного устройства России национально-федеративную республику. 2. Через местные национальные учредительные собрания определить конституцию и границы отдельных федеративных областей. 3. Добиваться участия заинтересованных народов России на будущем мирном конгрессе. 4. Считать неотложным образование при Временном правительстве из представителей отдельных народов особого совета по национальным вопросам и в том числе по образованию национальной армии» [22].

В восторге от принятых резолюций, Векилов писал в Баку: «Все эти недавние пасынки России властно заявили, что больше в России нет и не должно быть народа „великодержавного“ и народов „недержавных“. Судьба России находится в руках всех населяющих ее народов... И в этом многообразии – такая чарующая красота и сила!» [23]. Мечта об обретении национально-территориальной автономии с собственным парламентом и правительством постепенно превращалась в реальность. Ощущение близости желаемого успеха еще больше усилилось у лидеров закавказских мусульман после созыва 24 октября в Киеве сессии Совета народов для подготовки закона о федерации, который предполагалось внести в Учредительное собрание.

Обозначившаяся тенденция превращения России в федеративную республику получила солидное подтверждение в декларации Всероссийского демократического совещания, где признавалось за всеми народами право на самоопределение на основах, выработанных Учредительным собранием. В этом документе обещалось безотлагательно разработать и издать законы, обеспечивавшие национальным меньшинствам на местах их постоянного жительства пользование родным языком в школе, суде, органах самоуправления и в отношениях с местными органами государственной власти. Там также говорилось о создании Совета по национальным делам, в задачу которого входила подготовка материалов по национальному вопросу для Учредительного собрания.

Всероссийский мусульманский совет призвал мусульман срочно направить в Совет по национальным делам лучшие силы для тесного сотрудничества с демократическими силами страны. Однако малочисленность мусульманских представителей в Предпарламенте (7 человек) показала, что, несмотря на уступки правительства, среди местных лидеров-мусульман все более усиливалась тенденция к изоляции от центра. На это же указывала

организация осенью 1917 года на юге России областных и национальных правительств. Внимание местных деятелей все больше сосредотачивалось на вопросе обретения и удержания власти в рамках областей и краев.

БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ. Получив известие о Корниловском мятеже, в Тифлисе 2 сентября Краевой центр Советов и Исполком Тифлисского совета быстро определили данное выступление как контрреволюционное и создали орган по борьбе с контрреволюцией – Кавказский революционный комитет (КРК). Попытка нового краевого органа обновить состав ОЗАКОМа вызвала жесткую реакцию со стороны центральной власти. Керенский приказал распустить все революционные организации, возникшие в дни мятежа. Не желая идти на конфликт с правительством, местные власти пошли на компромисс: вместо КРК при ОЗАКОМе появился Комитет общественной безопасности.

Важно отметить, что в разрешении этой конфликтной ситуации заметную роль сыграли бакинские мусульмане.

Узнав о событиях в Тифлисе, Комитет бакинских мусульманских общественных организаций тут же послал в Петроград пространный протест против действий Кавказского революционного комитета, постаравшись тем самым посадить на освободившиеся места своих представителей. «Временный Закавказский мусульманский комитет считает своевременным выразить категорический протест против проектируемого образования состава Закавказского Комиссариата исключительно из социал-демократов и социалистов-революционеров и требует для мусульман допущения в означенный комитет не менее трех представителей, по выбору мусульманских комитетов общественных организаций Закавказья» [24], – говорилось в отправленной телеграмме. В протестах мусульман чувствовалась уверенность в своих силах. Партия «Мусават», поддерживавшая требование Бакинского комитета, в своем заявлении открыто говорила, что «партия, насчитывающая в своих рядах громадное большинство организованной демократии Азербейджана, партия, которой принадлежит руководящая роль на всех съездах и выборах в Азербейджане с первых дней революции, не может быть обойдена при формировании Озакома» [25].

Политические события в Петрограде и Тифлисе снова и снова подкидывали руководителям Закавказского мусульманского совета новые возможности укрепления своих позиций. В конце сентября в Тифлисе была получена телеграмма Временного правительства, разрешившего формирование национальных полков. В то же время член ОЗАКОМа Джафаров направил военному министру Верховскому телеграмму с просьбой разрешить создание на добровольной основе пехотной бригады, артиллерийского дивизиона и 2-го конного Татарского полка из закавказских мусульман. Отказ в данной просьбе, предупреждал Джафаров, «нанесет мусульманам крайнюю обиду», так как они будут считать, что и при данном правительстве являются «пасынками отечества и не пользуются его доверием».

В ответ Керенский предложил мусульманам края воспользоваться правом граждан свободной России в смысле отбывания всеобщей воинской повинности. Но Джафаров настаивал именно на создании добровольческих формирований. «Мы надеемся, – писал он, – что такой способ укомплектования в количественном и качественном отношении даст блестящие результаты, как более отвечающий историческим традициям и бытовым условиям мусульман. Я уверен, что эти войсковые части выполнят с честью свои задачи, являясь лучшим оплотом как для целей обороны, так и правопорядка в стране и укрепления завоеваний великой революции» [26]. Но Керенский, не поддавшись уговорам Джафарова, отказался вооружать мусульманских добровольцев, и этот вопрос был отложен до конца 1917 года.

Между тем в Баку попытка мусульман использовать начавшуюся после Корниловского мятежа кампанию по борьбе с контрреволюцией оказалась менее удачной, чем в Петрограде или Тифлисе. Бакинский исполнительный комитет Совета мусульманских общественных

организаций 29 августа 1917 года выступил с решительным осуждением контрреволюционного мятежа и полностью поддержал Временное правительство. «Мусават» не остался в стороне и выпустил резолюцию с резкой критикой действий опального генерала, призывая к единству среди революционной демократии. Также партией были организованы митинги протеста в мусульманских и промысловых районах Баку. На партийной конференции даже звучали призывы к членам партии в случае необходимости взяться за оружие. Но, несмотря на проявленную мусульманами активность в деле защиты демократии, просьба включить своих представителей в Бюро по борьбе против контрреволюции, образованное по инициативе Баксовета, была решительно отвергнута.

Между тем столкновения с социалистами на политическом поле Баку становились для мусульман все острее и принципиальнее. На созванном 7 октября совещании представителей национальных организаций и политических партий по подготовке выборов в Учредительное собрание яблоком раздора между двумя сторонами стал аграрный вопрос. Социалистический блок настаивал на немедленном провозглашении принципа безвозмездности передачи земли крестьянам, а «Мусават» предложил отложить решение по этому вопросу до Учредительного собрания. Не получив поддержку при голосовании, социалисты покинули совещание, признав тем самым победу мусаватистов. Апогеем политической борьбы в регионе стали пере выборы Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов, закрепившие лидирующие позиции «Мусавата» как в Баку, так и на территории двух мусульманских губерний. Мусаватисты во главе с популярным лидером Мамед Эмином Расул-заде получили более 9600 голосов, когда их ближайшие преследователи эсеры отстали от них на треть, а у большевиков вообще оказалось менее 4 тыс. голосов.

На волне эйфории от успехов мусульманского движения в ноябре 1917 года прошел первый съезд партии «Мусават». Ясно обозначившаяся перспектива превращения России в федерацию, усиление роли национальных советов в жизни Закавказья и успехи, достигнутые бакинскими мусульманами в борьбе с социалистами, – все указывало лидерам ведущей мусульманской партии Закавказья на необходимость разработки собственной политической программы. Принятый на съезде программный документ охватывал все нюансы устройства будущей национально-территориальной автономии Азербайджана в составе Российской Демократической Федеративной Республики. Ключевым являлся раздел «Государственный строй и автономия», отражавший весь накопленный российскими мусульманами теоретический и практический опыт. Федерация должна была состоять из автономных единиц, связанных между собой экономическим союзом. Вопросы внешней политики, обороны, денежной, таможенной и транспортных систем оставались в ведении центральной власти.

Особое внимание было уделено национально-культурным и религиозным аспектам существования федерации. В каждой из них официальным становился язык местного народа, составлявшего большинство населения данной области. Для всех тюркских народов, проживающих на территории Российской Федерации, предусматривалось создание культурно-национального союза. В сфере народного образования вводилось бесплатное начальное и высшее образование. Обучение должно было проводиться на языке большинства населения каждой автономной области. Программа предусматривала отделение церкви от государства. Для управления религиозной жизнью мусульман России организовывалась комиссия из представителей всех областей под председательством муфтия (шейх-уль-ислама).

Среди социально-экономических вопросов особое место уделялось аграрному и рабочему вопросам, от решения которых напрямую зависела степень популярности партии в массах. Все казенные и частновладельческие земли раздавались крестьянам бесплатно и безвозмездно в полную собственность. Устанавливался минимальный размер владения землей. В рабочем вопросе партия «Мусават» приняла программу РСДРП, утвержденную ею на вто-

ром съезде в 1903 году. Для всех рабочих и служащих устанавливался восьмичасовой рабочий день, запрещались сверхурочные работы и вводилась еженедельная выплата жалованья. Для контроля над исполнением закона на предприятиях должны были создаваться рабочие инспекции.

Ноябрьский съезд партии «Мусават» стал последним актом борьбы закавказских мусульман за создание национально-территориальной автономии в составе Российской Демократической Федеративной Республики. В этот период мусульманские лидеры в своих действиях не отрывали себя от единого всероссийского движения. Следует отметить, что с учетом особенностей Закавказья и уровня развития национального движения мусульман региона (межнациональная напряженность, относительная малочисленность азербайджанской интеллигенции, низкий уровень развития политического и национального самосознания широких слоев населения, идентичность которых скорее определялась религией, а не этнической принадлежностью) можно говорить о том, что национально-территориальная автономия являлась той предельной моделью, которую азербайджанская элита могла с успехом реализовать на тот момент. Но история распорядилась по-другому...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 121–127.
2. Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // *Ab imperio: Новая имперская история постсоветского пространства*. – Казань, 2004. – С. 321.
3. Там же. – С. 336.
4. Кавказские мусульмане по материалам Особого отдела канцелярии наместника Кавказа (1912) / Публ. Д.Ю. Арапова // *Кавказский сборник*. – Т. 2 (34). – М., 2005. – С. 170.
5. Баберовски Й. Указ. соч. – С. 335.
6. Свентоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // *Азербайджан и Россия: общества и государства*. – М., 2001. – С. 12–13.
7. Аух Е.-М. Между приспособлением и самоутверждением: Ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и возникновение нового общества на Юго-Восточном Кавказе (1875–1905 гг.) // *Азербайджан и Россия: общества и государства*. – М., 2001. – С. 51.
8. Кавказские мусульмане по материалам Особого отдела канцелярии наместника Кавказа (1912) / Публ. Д.Ю. Арапова // *Кавказский сборник*. – Т. 2 (34). – М., 2005. – С. 171.
9. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 147. Л. 17–19.
10. Сеф С.Е. Революция 1917 года в Закавказье: документы и материалы. – М., 1927. – С. 80–83.
11. Закавказский съезд представителей Совета рабочих депутатов и Закавказский съезд исполнительных комитетов.
12. Гусейнов м.д. Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. – Тифлис, 1927. – С. 79–86.
13. Беленький С., Манвелов А. Революция 1917 г. в Азербайджане: Документы из периодической печати. – Баку, 1927. – С. 27.
14. Там же. – С. 35.
15. Цит по: Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). – М., 2004. – С. 197.
16. Попов А.Л. Из истории революции в Восточном Закавказье (1917–1918 гг.) // *Пролетарская революция*. – 1924. – № 7/30. – С. 110.
17. Цит по: Исхаков С.М. Указ. соч. – С. 242.
18. Государственное совещание 12–15 августа 1917 года: Стенографический отчет. – М.-Л., 1930. – С. 185–187.
19. Беленький С., Манвелов А. Указ. соч. – С. 24.
20. Попов А.Л. Указ. соч. – С. 143.
21. Беленький С., Манвелов А. Указ. соч. – С. 59.
22. Попов А.Л. Указ. соч. – С. 136.
23. Цит по: Исхаков С.М. Указ. соч. – С. 330.
24. Попов А.Л. Указ. соч. – С. 127.
25. Там же. – С. 127.
26. Исхаков С.М. Указ. соч. – С. 338.

Глава вторая НА ПУТИ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

ЭХО ОКТЯБРЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ

ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА. Октябрьский переворот был неоднозначно воспринят в разных уголках бывшей Российской империи, и Кавказ не являлся в этом случае исключением. Вопрос, что делать дальше, стал первоочередным для лидеров российских мусульман, не имевших четкого плана действий в ходе подобного развития событий. Показательно, что 27 октября в передовой газете Всероссийского мусульманского совета прозвучал своеобразный призыв к нейтралитету и неучастию в разгоравшейся Гражданской войне: «Зарево гражданской войны поднялось над страной... Что делать мусульманам в этот момент тяжелой социальной борьбы? Мусульманскому населению, как национальной группе, приходится принять все меры к тому, чтобы кровавое зарево гражданской войны как можно менее захватило их. Спокойствие и выдержка! Необходимо принять все меры к самообороне от всяких случайностей» [1].

Однако уже на следующий день Икомус в связи с «восстанием» постановил делегировать трех своих представителей в антибольшевистский Комитет спасения родины и революции, чтобы они настаивали на мирном разрешении конфликта и требовали формирования однородного социалистического правительства вместе с большевиками.

Вместе с тем Икомус считал необходимым создание именно демократического Совета, в котором должны быть представлены все населявшие Россию народности, поэтому при формировании новой системы власти решено было добиваться учреждения секретариата по мусульманским делам. То есть даже радикальная часть мусульманских политиков, как и ранее, продолжала ориентироваться на центральную власть.

Некая непоследовательность присутствовала и в действиях другой влиятельной мусульманской организации, Всероссийского мусульманского военного шуро: в октябре направляется телеграмма в поддержку Советской власти, а в ноябре октябрьские события в Петрограде объявляются противозаконным переворотом, высказывается поддержка идеи Всероссийского Учредительного собрания и соответственно признается незаконной власть Совета народных комиссаров. Бесспорно, что такие метания шуро в полной мере отражали тогдашние настроения российских мусульман, не желавших участвовать как в мировой войне, так и в гражданской. Мусульмане были сильно обеспокоены возникшей угрозой их существованию, они опасались усиления анархии, которая могла перечеркнуть все их начинания.

Действия большевиков, выпустивших одно за другим Декларацию прав народов России и обращение Совета народных комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», внесли раскол во всероссийское мусульманское движение. Часть руководителей мусульман внутренних губерний России поверила обещаниям Совнаркома и Наркомнаца и пошла на сотрудничество. Лидеры мусульман с окраин предпочли в новой ситуации разойтись по своим национальным квартирам и попытаться самостоятельно решать насущные вопросы выживания. К началу 1918 года единый политический фронт российских мусульман окончательно развалился.

ВЛАСТЬ БОЛЬШЕВИКОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ. Закавказье не приняло власть большевиков. Лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания на заседании Тифлисского Совета

весьма четко выразил общую позицию: «Мы требовали и требуем ликвидации Петроградского восстания путем соглашения внутри демократии и создания однородной власти, объединяющей всю демократию для общей борьбы с надвигающейся контрреволюцией» [2].

Большевистская угроза консолидировала основные политические силы в Закавказье. По инициативе Комитета общественного спасения 24 ноября в Тифлисе созвано совещание всех общественно-политических сил региона с участием специально приглашенных представителей командования Кавказского фронта, союзников и консула США. Среди них выделялись Грузинская социал-демократическая партия (меньшевики), «Мусават», «Дашнакцутюн», ставшие впоследствии базовыми партиями для независимых национальных государственных образований края, а также правые эсеры. В результате этого совещания было принято решение об отказе признания власти Совета народных комиссаров во главе с В.И. Лениным и создании независимого краевого правительства.

28 ноября был учрежден Закавказский комиссариат во главе с грузинским меньшевиком Е. Гегочкори. В его состав от мусульман вошли Ф. Хойский, М. Джафаров, Х. Мелик-Асланов и Х. Хасмамедов, от дашнаков – Т. Тер-Газарян, Х. Карчигян, А. Оганджян, от грузин – А. Чхенкели и др. В тот же день Особый закавказский комитет сложил свои полномочия по управлению краем.

Особенностью политической жизни Закавказья стала своего рода ее «национализация». «В силу недостаточного политического воспитания масс, главным образом мусульманского населения, политическая жизнь края определяется не столько партийными, сколько национальными группировками» [3], – писал осенью 1917 года член Тифлисского мусульманского совета Гейдар Бамматов.

Так, по национальному принципу были распределены посты в комиссариате. «Главнейшие министерства (внутренних дел, военное, земледелия), – вспоминал журналист С.Я. Хейфец, – были в руках грузин-меньшевиков; остальными руководили мусаватисты и дашнакцаканы; причем соблюдался паритетный принцип, по которому при министерстве-меньшевике товарищами состояли дашнакцаканы и мусаватисты, и наоборот. Аппарат государственный был налажен довольно слабо, и министерства проявляли мало жизнеспособности» [4]. Больше того, политика комиссариата определялась именно тремя нацсоветами (армянским, грузинским и мусульманским), представители которых вошли в состав Межнационального совета, выполнявшего координационные функции при комиссариате. Значительное влияние нацсоветов объяснялось вхождением его членов в состав Закавказского правительства и контролем над национальными частями, которые в условиях отхода Кавказской армии с фронта оставались единственной вооруженной силой в регионе.

Своими основными задачами комиссариат объявил ликвидацию анархии и борьбу с большевистской Россией. В его обращении к народам Закавказья отмечалось, что он является временным органом власти в крае и направит свою деятельность на решение самых неотложных вопросов – продовольственного, земельного, финансового и так далее. Обещалось также незамедлительно подписать перемирие на фронте и урегулировать национальные отношения.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ. Большие проблемы для комиссариата с самого начала стали создавать участвовавшие в крае случаи межнациональных столкновений. Особенно ситуация обострилась в начале 1918 года, когда произошли крупные столкновения между армянским и мусульманским (то есть азербайджанским) населением в Эриванской и Елисаветпольской губерниях. Именно в тот период зафиксированы первые сожжения как армянских, так и татарских селений, продовольственных и оружейных складов, даже железнодорожных станций.

14 января 1918 года на заседании комиссариата этому вопросу было уделено особое внимание и отмечено, что даже в губернском центре Елисаветполе наблюдается «враждебное отношение между армянами и татарами». Как свидетельствует С.Я. Хейфец, «в самом городе Елисавет-поле положение, например, было таково, что одна часть города по одной стороне реки была в руках армян, а другая по другой – в руках татар; мост же посреди реки представлял собой границу; посредниками между обоими частями города служили местные греки, евреи и русские, которые спокойно передвигались по всему городу; армянам же и татарам нельзя было переходить из одной части города в другую под угрозой смерти. В самом Тифлисе отношения между армянами и татарами были также очень обостренные, и в татарской части города на Майдане рылись окопы на случай резни» [5].

Важно отметить, что уже тогда в обострении национальных отношений в Закавказье негативную роль сыграла Турция, чьи представители еще с начала мировой войны вели среди мусульманского населения активную пропаганду. А она в условиях разраставшейся анархии и ужесточения борьбы различных политических сил за власть превращалась в один из главных инструментов разжигания межнациональной розни. Один из лидеров грузинских меньшевиков А. Чхенкели отмечал, что «вооруженное мусульманское население, придерживаясь турецкой ориентации, называет себя турецкими солдатами и терроризирует своими анархическими проявлениями все христианское население» [6]. Проведенное в Тифлисе совместное совещание армянского и мусульманского советов для поиска путей выхода из кризиса оказалось безрезультатным. Пламя межнациональной вражды продолжало разгораться, опалая все новые и новые уголки Кавказа...

КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ. В это же время шло ожесточенное столкновение за Кавказскую армию, если хотите, просто дележка ее наследства и сохранившихся воинских единиц. Лидеры нацсоветов отлично понимали, что чем больше они навербуют к себе солдат из бывшей российской армии, тем прочнее будет их положение в крае.

Осенью 1917 года лидеры российских мусульман активно лоббировали идею создания отдельных мусульманских частей наподобие грузинских и армянских соединений, уже имевшихся на Кавказе. В частности, председатель Всероссийского мусульманского военного шуро Асадуллаев в своей телеграмме военному министру требовал увеличить общую численность предполагаемых мусульманских частей, дабы они не сильно отставали от аналогичных грузинских и армянских: «Полагал бы справедливым с чисто государственной точки зрения соблюсти хоть какую-нибудь пропорциональность между численностью населения и числом выставленных бойцов; мусульманское население настолько сочувствует формированию, что весьма возможно новых расходов для казны не будет...» [7].

Временное правительство в конце своей деятельности успевает дать согласие на формирование национальных частей, в том числе и мусульманских. Одна из ведущих газет края «Ачыг Сёз» дала достойную оценку этому событию: «Для нас начинается новая эра, и мы должны к нашим национальным праздникам прибавить еще два праздничных дня: первый, это – день освобождения от царского гнета и второй – день обнародования декрета о создании национального войска. С политической точки зрения этот декрет имеет большее значение, чем свободы, завоеванные русским народом.» [8].

Важно отметить, что согласие на формирование мусульманских частей было получено с боем. В октябре 1917 года командованием Кавказского фронта было приказано приступить к созданию армянского и грузинского национальных корпусов на Кавказе, однако о мусульманском соединении ничего в первом приказе не говорилось. Различные общественные и политические организации мусульман стали присылать ходатайства о разрешении на создание аналогичного корпуса для них. ГУГШ рекомендовало удовлетворить эти просьбы, взяв за основу предложение Всероссийского мусульманского военного шуро о формировании в

Закавказье двух пехотных полков, отдельного артиллерийского дивизиона и двух конных полков, развернутых на базе Татарского конного полка «Дикой дивизии», переведенного на Кавказский фронт. Однако Ставка выступила против: Духонин считал возможным создание подобных соединений из мусульман-добровольцев только в случае расформирования соответствующего числа воинских частей фронта. Скепсис высшего командования понятен: было совершенно неясно, откуда возьмется необходимое количество солдат и офицеров, тем более что, даже по данным военного шуро, на Кавказском фронте находилось не более 2 тыс. строевых солдат-мусульман, большая часть которых явно не собиралась пополнять новые части.

Поэтому мусульманские комиссары решили ускорить принятие необходимого решения Ставки, для чего в Казани на съезде военных мусульман одноименного округа приняли жесткую резолюцию, представлявшую собой не что иное, как ультиматум: до формирования мусульманских частей ни один мусульманин не отправится на фронт.

Высшему командованию пришлось сдаться, и 19 ноября 1917 года Духонин телеграфировал из Ставки о разрешении начать формирование Мусульманского корпуса из добровольцев-мусульман – офицеров, военных врачей, чиновников и солдат Северного, Западного Юго-Западного и Румынского фронтов. Руководить созданием нового национального корпуса приказом Духонина был назначен командир 37-го армейского корпуса генерал-лейтенант Сулейман Сулькевич.

Командование Кавказской армии на совещании 1 декабря вынуждено было признать глубокое разложение армии и полную утрату боеспособности. На этом же совещании принято решение немедленно приступить к формированию национальных частей для спасения ситуации на фронте. Предполагалось перебрасывать на Кавказ все части, которые изъявят желание на добровольных началах вступить в национальные соединения. Однако опять речь шла о русском, грузинском и армянских корпусах. В начале декабря из штаба Кавказского фронта последовало предложение о мусульманизации отдельных частей, в первую очередь 219-го пехотного запасного полка. Закавказский комиссариат и Краевой совет Кавказской армии поддержали это предложение. Соответствующий приказ появился 18 декабря, в тот же день комиссариат объявил о создании новой армии, включавшей в себя и Мусульманский корпус. Именно 18 декабря 1917 года можно признать датой фактического возникновения будущей азербайджанской армии, созданной на базе Мусульманского корпуса. Формирование корпуса из мусульман Закавказья было официально начато на следующий день согласно приказу № 155 главнокомандующего войсками Кавказского фронта генерала от инфантерии М.А. Пржевальского.

Эти решения вызвали крайне негативную реакцию со стороны отходивших с фронта частей. Во второй половине декабря практически все станции от Гянджи до Евлаха были разграблены солдатами, а в самой Гяндже разгромлены казармы и интендантские склады. Интересно, что беспорядки в губернском центре начались именно после распоряжения комиссариата о национализации 219-го полка. Реализация этого решения, выразившаяся в разоружении старого состава, привела к первым эксцессам: армяне, которых в этом полку оказалось около 2 тыс. человек, явно не хотели расставаться с оружием, и уж тем более отдавать его мусульманам. Для разоружения специально проводилась ночная операция. В ее ходе несколько рот было обезоружено, тогда как остальные оказались в армянской части города. Это вызвало дополнительную панику среди мирного населения, которое, справедливо опасаясь пролития невинной крови, побежало из Гянджи. «Татары», то есть мусульмане, наоборот, устремились в город, что привело к многочисленным кровавым столкновениям между ними и армянами. Только к 22 декабря в городе был установлен относительный порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.